

Терещенко Татьяна Сергеевна

ДИХОТОМИЯ "РИМЛЯНЕ - ВАРВАРЫ", ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГРАНИЦЫ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

В статье исследуется этнокультурная трансформация эпохи Великого переселения народов по ключевым параметрам: этнонимы, дихотомия "римляне - варвары", этническая идентичность и границы, понятие "варвары". Рассматриваются истоки, предыстория, событийная составляющая, последствия Великого переселения народов. Констатируется необходимость изучать его как единое и комплексное явление. Устанавливается ключевая роль дихотомии "римляне - варвары", а также феномена границ в этом процессе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/7-1/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (57): в 2-х ч. Ч. I. С. 171-176. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. **Абдильдин Ж.** Познание и деятельность // Абдильдин Ж. Избранное: в 2-х т. Алма-Ата: Жазуши, 2005. Т. 1. 391 с.; Т. 2. 455 с.
2. **Гирусов Э. В., Широкова Н. Ю.** Экология и культура. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1989. 167 с.
3. **Громыко Ю. В.** Деятельный подход: новые линии исследований // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 116-123.
4. **Деятельность** // Краткий философский словарь / под ред. А. П. Алексеева. М.: Проспект, 2000. С. 78-79.
5. **Лекторский В. А.** Субъект, познание, деятельность. М.: Канон+, Реабилитация, 2002. 720 с.
6. **Леонтьев А. Н.** Деятельность, сознание, личность. М.: Наука, 1977. 217 с.
7. **Маркс К.** Маркс – Энгельсу (в Манчестер), 25 марта 1868 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 49-ти т. Изд-е 2-е. М.: Госполитиздат, 1955-1981. Т. 32. С. 43-46.
8. **Маркс К.** Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 49-ти т. Изд-е 2-е. М.: Госполитиздат, 1955-1981. Т. 42. С. 41-174.
9. **Можейко М. А., Можейко В. А.** Деятельность // Новейший философский словарь. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. С. 311-312.

NATURAL REALITY IN SOCIOCULTURAL SPACE

Taburkin Vyacheslav Ivanovich, Doctor in Philosophy, Professor
Doronina Marina Vyacheslavovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Tyumen State Agrarian University of Northern Zauralye
bio-farm24@yandex.ru

The article examines natural reality in sociocultural aspect. First the authors formulate the philosophical conception of activity. Then they justify the necessity to use activity approach while developing the integral model of the interaction of natural and sociocultural realities. Relying on this systemic and methodological basis the researchers dwell on the place of natural reality in sociocultural space.

Key words and phrases: natural reality; sociocultural reality; sociocultural space; philosophical conception of activity; activity approach; human activity; ecological activity.

УДК 008:316.42

Культурология

В статье исследуется этнокультурная трансформация эпохи Великого переселения народов по ключевым параметрам: этнонимы, дихотомия «римляне – варвары», этническая идентичность и границы, понятие «варвары». Рассматриваются истоки, предыстория, событийная составляющая, последствия Великого переселения народов. Констатируется необходимость изучать его как единое и комплексное явление. Устанавливается ключевая роль дихотомии «римляне – варвары», а также феномена границ в этом процессе.

Ключевые слова и фразы: Великое переселение народов; этнокультурные процессы; этнонимы; этнические границы; этническая идентичность; варвары.

Терещенко Татьяна Сергеевна
Санкт-Петербургский университет
tatere@yandex.ru

**ДИХОТОМИЯ «РИМЛЯНЕ – ВАРВАРЫ», ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
И ГРАНИЦЫ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ[©]**

Всестороннее понимание этнокультурных процессов и феноменов требует дополнения их доминирующего синхронного изучения диахронным. Наиболее продуктивным в такого рода исследованиях может стать подход, предполагающий применение историческими науками методов, исследования феноменов и использования терминологии социологии и социальной антропологии, таких как этничность, этническая идентичность, конструктивистский подход, концепция границ (фронтиров) и т.п. Эти методы, понятия и терминология настолько активно проникают в исторические науки последних десятилетий [9-12; 14; 15], что можно говорить о происходящем в них парадигмальном сдвиге, способном стать чрезвычайно продуктивным для понимания феноменов, связанных с этничностью прошедших эпох, а посредством этого – эпох современных.

Особое значение в таких диахронных исследованиях имеет эпоха Великого переселения народов (ВПН) (III-VII вв.). Во-первых, она стала начальным этапом формирования современных европейских языков и народов. Кроме того, массовые миграции, бурная трансформация этнических процессов, сосуществование разных народов на одной территории, их активное взаимодействие, взаимовлияние и возникновение на этой основе синтетических культур и культурных феноменов, подвижность и изменчивость идентичностей делают ее

чрезвычайно созвучной современной эпохе. Однако эта эпоха до сих пор не удостоилась должного внимания со стороны исследователей. Это связано, во-первых, с тем, что она разделена во времени по разным историческим периодам: ее начальный этап (III-V вв.) приходится на античную (Древний Рим), а заключительный (кон. V – VII в.) – на Средневековую эпоху. Отечественный историк В. П. Буданова вполне обосновано осуждает общепринятую трактовку этого периода как переход от античности к Средневековью, поскольку это приводит к «разорванности этого целостного явления в разных эпохах» [2, с. 6]. Кроме того, в этот процесс было вовлечено огромное количество народов, живших на гигантском пространстве от Центральной Азии до крайнего Запада Европы, говоривших на германских, романских, тюркских и других языках. При этом на одной территории сосуществовали многие народы, не только говорившие на разных языках (латинский и языки германцев, галлов и др.), но и стоявшие на разных стадиях исторического развития (догосударственные потестарные образования, дофеодальный и феодальный строй), исповедовавшие разную веру (язычество, ортодоксальное христианство, арианство): римляне, германцы и галлы, галлы и готы, бритты и пикты и мн. др. Это была эпоха всеобщей длительной трансформации, когда происходила полная ломка всех областей: культуры, религии, общественного и государственного устройства: переход от язычества к христианству, от рабовладельческого – к феодальному устройству. С этнополитической точки зрения это была эпоха перехода от Римской империи с ее структурой «римская метрополия – колонии» к новой Европе, состоящей из преднациональных государств.

Основное содержание этнокультурных и этнополитических процессов эпохи ВПН сводилось к взаимодействию и противостоянию Рима и варваров: кельтов (галлов), германских племен, даков, фракийцев, иберов, готов и др. При этом необходимо учитывать, что и «римляне», и многочисленные племена варваров были неоднородны: на протяжении всей истории Рима сохранялось доримское этническое деление и самосознание (оскское, сабинское и др. [10; 15]), а названия варварских племен были в большей степени политонимами (названиями государств или политических объединений – союзов племен), нежели этнонимами. При этом термин «варвары», объединявший большинство известных римлянам народов, фактически был тождествен термину «они», а дихотомия «римляне – варвары» являлась, по сути, дихотомией «мы – они», воплощающей процесс соотнесения себя интроппы с аутроппами и являющейся основополагающей в формировании самосознания любого народа любой эпохи. При этом особая роль в этом противостоянии принадлежала германцам. Они стали своеобразным «анти-я» римлян – наиболее значимыми, референтными Другими, воплощая «все, что римляне считали себе противоположным»: «прежде всего анархическую, дикую свободу, противостоявшую римскому миру организации и государственной дисциплины» [6, с. 470].

Предыстория

Противостояние с другими народами было красной линией, проходившей через всю историю Рима: она была отмечена перманентными завоевательными войнами, в результате которых Рим овладел огромными территориями от Атлантики до Ближнего Востока. Такой активный завоевательный импульс был связан со многими аспектами идеологии и самосознания Рима. С одной стороны, с традиционным для такого рода политических образований шовинизмом – считая себя богоизбранным, лучшим народом, римляне воспринимали себя как народ, рожденный повелевать другими народами. Однако этот импульс имел и более глубокие корни: поскольку римская история начиналась с объединения вокруг Рима народов Апеннинского полуострова, с самого начала римская идентичность носила инкорпорирующий характер и была направлена вовне [10]. При этом свою политическую организацию римляне воспринимали не только как единственную империю, призванную править другими народами, но и империю без границ – поэтому, как отмечает немецкий историк Г. В. Гётц, «в их этнической картине мира не было места для реальных границ» [11, р. 74]: они постоянно раздвигались. Экспансионистские устремления римлян Г. С. Кнабе объясняет тем, что «в восприятии римлян освоенное ими пространство... было динамичным, мыслилось как постоянно расширяющееся, и расширение это было основано не только на завоевании, но на сакральном праве» [6, с. 265]. Таким образом, в ходе своей истории римляне стремились и в итоге достигли того, что “*orbis terrarum*” (ойкумена, известные, обжитые земли) совпал с “*orbis Romanum*” (римским миром, территориями Римской империи). Покоренные земли превращались в римские провинции, в них вводились римские законы, религия, управление, строились сети дорог, города с римским регулярным планом – т.е. происходила их активная романизация. Более того, римляне оказали существенное влияние и на культуру народов, которые им не удалось подчинить. Так, весьма значительным было воздействие римского политического устройства на галльское: даже имена галльских вождей заканчивались на *-рикс* (от латинского “*rex*” – «император»). Однако процесс взаимодействия между римлянами и покоренными народами не был односторонним: между ними шел активный культурный взаимообмен. При всем своем «шовинизме» они широко и охотно заимствовали опыт, усваивали культуру и обычаи других народов [Там же, с. 267], что в дальнейшем, наряду со стиранием границ между Римом и Неримом, привело к смешению и диссоциации (возникновению на основе смешения римской и варварских новой культуры и созданию в ней римской) римской культуры и самосознания. Так, даже в отдаленных европейских провинциях возникала своеобразная «солдатская пограничная» культура, когда солдаты римских гарнизонов, осев в завоеванных землях и основанных там римлянами городах, активно взаимодействовали с местными жителями и даже брали в жены местных женщин, в результате чего смешивались язык, религия и обычаи и возникала особая, синкретичная римско-варварская культура. Более того, это смешение имело место не только в варварских провинциях, но и на Апеннинском полуострове, особенно ярко проявляясь в возникновении многочисленных синтетических религиозных культов, прежде всего в росте популярности восточных религиозных культов, варваризации армии (в ней служило все больше варваров). Даже сам город Рим как столица многонациональной империи являл собой ее срез в концентрированном виде: там существовали многочисленные иноэтнические общины (евреев, египтян и др.). Однако при этом там четко разграничивались римские и варварские кварталы.

Взаимодействие римлян и варваров не сводилось только к вооруженным столкновениям: ряд варварских (в первую очередь, галльских и германских) племен были союзниками римлян. Происходило и активное мирное проникновение варваров на территорию Рима: сначала на уровне индивидов (в качестве рабов, воинов, купцов и т.п., отдельным варварам удавалось дослужиться до высоких чинов).

С течением времени, со II в. н.э., Рим охватывает кризис: постепенно от него отпадают провинции, их подчиненность становится чисто номинальной. Более того, теперь уже варвары (галлы, германцы, даки и др.) переходят в наступление, и их нашествия станут решающим фактором в его падении. Это было связано не только с внутренним кризисом Римской империи, но и усилением самих варваров – социально-экономическим (у многих племен происходит разложение родоплеменных отношений, развивается земледелие, ремесла и т.п.) и политическим (процессами консолидации, объединения разрозненных племен). При этом растет и самосознание подвластных Риму территорий, происходит возрождение их старинных языковых и культурных традиций: так, в Малой Азии III в. н.э. появляются надписи на давно, казалось бы, забытом фригийском языке.

Особенностью заключительного этапа римской истории стал мультикультурализм: смешение народов и их культур, а также размывание этнических идентичностей. В соответствии с этим этничность утратила свой примордиалистский характер, когда римлянином можно было только родиться, и стала более конструктивистской. Речь уже все чаще шла о т.н. “*Romanitas*” (т.е. «римскости»), которую можно было приобрести, выучив язык, переняв римский образ жизни, получив соответствующее образование [12, p. 379]. Это размывание закреплялось юридически: римское гражданство стало предоставляться все большему числу провинциалов, завершившись эдиктом императора Каракаллы, в 212 г. даровавшим его всем жителям империи. В условиях такого культурного смешения одним из вариантов концептуализации римлянами военного, политического и культурного противостояния с варварами стала дихотомизация своего и чужого пространства: территории, населенные варварами, объединялись римлянами в понятие «Барбарикум»; среда их обитания воспринималась как «лесная чаща, труднодоступная, а значит, таящая опасность, богатая растительностью, а поэтому темная», «большие невозделанные пространства или сумрачные области, расположенные у крайних пределов земли» [2, с. 8].

Эпоха великого переселения народов

Основные события

К IV веку союзы варварских племен (вандалов, готов, сарматов) консолидируются, и их натиск на территорию Римской империи усиливается. Со временем они стали нападать на Рим ради захвата не столько добычи, сколько территорий. Будучи не в силах противостоять им, римляне разрешают варварам селиться на пограничных территориях, номинально возлагая на них обязанности по охране границ и даже платя им за это, то есть, по сути дела, откупаясь от варварских нападений. Со временем варваров на территории Рима стало так много, что образовались «варварские королевства» – его клиенты (зависимые государства) – своеобразная буферная зона между «варварством» и «цивилизацией». Суть их устройства состояла в том, что императоры Западной Римской империи «передавали им права на управление и реализацию военных функций на этой территории, оставляя сферу производства в основном коренным жителям» [Там же, с. 75]. В армии становилось все больше варваров, даже на высших командных должностях, в четвертом веке больше половины высших постов в армии занимали германцы, в итоге понятия «варвар» и «солдат» стали равноценными [13, S. 119]. Таким образом, происходило территориальное и социальное разделение автохтонов и пришельцев, римлян и варваров. При этом такая ситуация воспринималась обеими группами совершенно по-разному. Коренное население продолжало считать себя римлянами, а эти королевства – лишь территориально-административными единицами в составе Западной Римской империи. Для варваров же эти «римляне» лишь ритуально владели этой землей, а Римская империя была лишь «большим союзом племен» [2, с. 75-76]. Таким образом, в эпоху поздней империи по мере того, как слабел контроль Рима, границы не рушились под варварскими атаками, а растворялись, превращаясь в анклав государств – наследников Рима. Натиск варваров усилился во второй половине IV в., когда их стали теснить гунны – кочевники из Азии. В V в. гунны достигли пределов империи. Подчинив себе многие варварские народы, они создали мощный союз племен, вторглись и заселили балканские земли. Под их давлением к началу V в. н.э. варвары прорвали границы и заселили всю территорию Западной Римской империи. В дальнейшем на ее бывших территориях образуются крупные варварские государства: франков – в Галлии, вестготов – в Испании, вандалов – в Африке с очень смешанным, разнородным населением. Особо сильное смешение происходило в приграничных областях – до такой степени, что порой было неясно, кто римлянин, а кто варвар. Происходила и миксация варваров между собой: галлов и германцев, готов и иберов и др. Существовали даже смешанные этносы, например, *semigermani* – прирейнские народы, «которых невозможно однозначно отнести к галлам или к германцам» [1, с. 81]. Таким образом, «Великое переселение народов, как системный процесс взаимодействия Барбарикума и античной цивилизации, сформировало уникальное этническое пространство», состоявшее из «двух взаимосвязанных компонентов»: племен и народов, «которые являлись реальными участниками исторических событий эпохи Переселения», а также «системы представлений об этих племенах, которая создавалась как античной и раннесредневековой письменной традицией, так и современными национальными историографиями» [3].

Этнонимы

Ключевым элементом этой системы представлений были этнонимы, служившие маркерами идентичности и средством упорядочивания представлений народов друг о друге. Однако эта эпоха являла собой такую непрерывную череду войн, набегов, миграций, государственных образований, когда одни народы непрерывно сменялись другими: готы – гуннами, гунны – аварами, авары – норманнами, норманны – мадьярами и т.д., что этнонимы той эпохи были «так же подвижны, как и сами народы». Так, они часто переходили с одного народа на другой: германцев, например, могли называть и скифами, и гуннами, и сарматами, и многими другими именами [2, с. 99].

Этническая идентичность

В такой ситуации не могли быть стабильными и этнические идентичности [Там же]. Более того, в ту переходную эпоху человек в разных ситуациях мог обладать разной этнической идентичностью: как солдата его могли называть готом, как человека, говорящего по-латински, – римлянином [9, р. 13]. Такое смешение социальной и этнической идентичности было связано со слабой выраженностью и нестабильностью последней – в этой связи социальная идентичность служила либо маркером, либо даже субституту этнической. При этом в условиях «многоэтнической ситуации варварских королевств» «этническая принадлежность имела престижное значение и определяла зачастую статус человека» [4, с. 306]. Вследствие ее важной роли «росли этнические различия и этническая разобщенность, ибо и привилегированные, и подчиненные этнические группы искусственно углубляли свои культурные различия и стремились законсервировать и упрочить свой образ жизни, свою систему ценностей и традиций» [Там же]. Параллельно в соответствии с социальным статусом и кругом занятий представителей того или иного народа «формировалась определенная система ценностей, например, чувство собственного превосходства у готов, презрение к физическому труду вандалов» [Там же].

Трансформация термина «варвары»

Аналогичным образом трансформируется и термин «варвары». По мере того, как ряд варварских народов осваивался на римской земле, вместо этого термина в отношении них стали использоваться другие, нейтральные: народ (*populus*), род (*gens*), а понятие «варвары» начинает фигурировать реже [3]. Таким образом, употребление по отношению к варварам вышеуказанных терминов, которые прежде использовались римлянами главным образом в отношении себя либо в отношении близкородственных им народов Апеннинского полуострова, маркировало первую ступень их включения в сообщество «римлян». Тем не менее «барьер взаимного отчуждения римлян и варваров» никуда не исчез: варвары стали восприниматься «как поле особой опасности уже внутри Империи» [Там же]. При этом параллельно термин «варвар» приобретает более негативный оттенок, связанный с агрессивным началом. Кроме того, и даже в ту эпоху римляне сохраняли свой этноцентризм и чувство превосходства по отношению к варварам, доходящие до отрицания их человеческих качеств. Более того, именно в период Великого переселения народов оппозиция «римлянин – варвар» и неприятие их римлянами достигли предельной остроты. Так, римский историк Аммиан Марцеллин (IV в.) писал о гуннах: «их скорее можно принять за двуногих животных или же за грубо сделанные в форме туловищ фигуры, что высекаются на парапетах мостов» [Цит. по: 7, с. 17]. Это можно объяснить двояко. С одной стороны, что традиционно для такого рода процессов, стирание границ, размывание дихотомии «мы – они» вызвало стремление их поддержать, что проявлялось и в усилении негативных установок в отношении варваров. С другой – этот негатив был направлен на «других» варваров, совершавших набеги на Рим.

Одновременно с дихотомией «римляне – варвары» размывается и понятие «варвар»: неримские племена, например германцы, порой даже называют так самих себя [8, с. 196]. Аналогичным образом иногда термин «варвар» применяли к себе бургунды, остроготы и франки [12, р. 387]. Позже, с принятием христианства, ряд народов стали называть так дохристианскую фазу своей истории [Ibidem]. Эта интериоризация чужих аутостереотипов была связана с размытостью собственного самосознания, а следовательно, с несформированностью и собственных гетеростереотипов.

Этнические границы и средства их поддержания

Таким образом, стирание этнических границ вызвало стремление их поддержать и даже усилить. В условиях нечетких и подвижных этнических границ в качестве маркеров таковых выступали не столько реальные примордиалистские признаки (происхождение, язык, особенности культуры), сколько более виртуальные конструктивистские характеристики: законы (римское право и законы германцев – т.н. «варварские правды»), религия (ортодоксальное христианство и арианство), а также сконструированная история. Так, германцы для поддержания своей идентичности создавали исторические хроники; готы приняли арианство, чтобы дистанцироваться от Рима, и использовали его в качестве знамени борьбы против своего соперника; на смешанных территориях варварских королевств местное население жило по римскому праву, а германцы – по своим законам, законы вестготов и лангобардов категорически запрещали браки с римлянами [4, с. 306].

Особое значение поддержание этнических границ имело именно для германцев, поскольку, как пишет А. Я. Гуревич, «во всех странах Европы, захваченных варварскими племенами и племенными союзами, германцы составляли меньшинство. Как правило, они не жили сплошными массами, обособленно от романизованного населения варварского королевства, а были рассеяны среди него. По-видимому, отсюда стремление противопоставить себя “римлянам”, обнаруживающееся в ряде варварских “правд”» [5, с. 451].

Тем не менее, несмотря на эти усилия, относительно эпохи ВПН правильнее говорить об «этноконтактных зонах», «фронтах», а не о четко очерченных границах.

Таким образом, исследование миграций эпохи ВПН с точки зрения концепции границ рушит старое представление об этой эпохе как исключительно нашествиях варваров. Вот как с позиции этого подхода трактует эти миграции В. П. Буданова: «...один из способов фиксации этнических границ – это переселение, когда из прежних своих ареалов народ перемещается в этническую чуждую им среду (*так в тексте – Т. Т.*). Притом такие переселенные группы средствами власти искусственно поддерживались как замкнутые, например, готы Атанариха или “малые готы”» [4, с. 307].

Римская идентичность

На фоне этих драматических событий (стирание и трансформация этнических границ, этнокультурная миксация, сокращение территории Римской империи), а также в связи с всесторонним политическим, экономическим, культурным и социальным кризисом в самой Римской империи меняется характер и римской идентичности. С одной стороны, как образно пишет В. Р. Джоунс, «*Romanitas* отступала по мере того, как, словно

острова в море, нарождались варварские культуры» [12, р. 386]. А кроме того, значительно снижается ее престиж [10, р. 217]. Как писал живший в V веке монах Сальвиан, «римского гражданства, некогда... очень уважаемого, ныне избегают и боятся, ибо оно не только не ценится, но вызывает страх... По этой причине даже те, кто не бежит к варварам, все равно вынуждены превращаться в варваров» [7, с. 19]. В этой связи более престижной становится германская идентичность. Так, гало-римляне или смешанные семьи порой дают своим детям германские имена. Причем это презрительное отношение к римлянам сохранится у германцев надолго: баварский глоссатор VIII века пишет: «...римляне глупы, а бавары – мудры» [8, с. 237]. Подобная трансформация статуса этнической, даже этнополитической, идентичности характерна для империй в состоянии кризиса и распада. Это же происходило и перед и после краха Османской и Австро-Венгерской империй, и после распада Советского Союза. Объясняется это двумя причинами: внутренней и внешней. С одной стороны, эта трансформация вызвана уже упомянутым кризисом внутри империи, а с другой – это негативное отношение связано с тем, что прежде они выступали в роли доминирующих и подавляющих другие народы и государства, теперь же в силу их слабости вызванный этим и подавляемый в прошлом негатив обращается против них.

Религия в эпоху Великого переселения народов

Процесс стирания этнических и политических границ и размытия этнических идентичностей нашел отражение в доктрине нарождающегося христианства, которое декларировало, с одной стороны, над-, а с другой – общенациональный характер. Так, апостол Павел в одном из своих посланий писал, что в христианстве «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Послание к Колоссянам 3:11). Однако, в сущности, христианство лишь заимствовало старую римскую идею универсализма, заменив его национальное содержание религиозным [12, р. 381; 13, S. 103]. При этом в будущем этот христианский наднационализм будет способствовать формированию единой Европы. Кроме того, распространение христианства придало новую окраску дихотомии «римляне – варвары»: обозначение религиозной принадлежности стало субститутом этнонимов и маркером этнической и политической идентичности: понятия «римлянин» и «христианин», а также «язычник», «варвар» и «иностранец» стали синонимами [12, р. 380-383]. Кроме того, со временем христианоцентризм, по сути дела, подменил собой римский этноцентризм [Ibidem, р. 381]. Таким образом, в условиях слабовыраженной и нестабильной этнической идентичности религиозная идентичность, наряду с социальной, выступала ее маркером и субститутом. Более того, языческая идентичность приобрела ретроспективный характер: эллином в противоположность своему христианскому адресату называл себя в своем письме персидский царь Хозрой II (первая треть VII в.) [13, S. 99], позже ряд авторов называли эллинами сарацин. Такое ретроспективное смешение, воскрешение старых этнонимов было связано с тем, что и сарадины, и эллины в эпоху Средневековья были главными символами язычества (под которым тогда понимали все нехристианские религии).

Последствия Великого переселения народов

Результатом Великого переселения народов стало исчезновение с лица земли Римской империи (с падением Рима в 476 г.) и появление новых государств и народов. Однако многие из них являлись наследниками римского административно-территориального деления и этнической структуры, являя собой смесь христианства, варварской культуры и наследия Рима. Кроме того, рецидивы римских универсалистских имперских установок, проявлявшихся в претензиях на общеевропейскую экспансию, неоднократно возникали на протяжении истории Средневековья: первой из них стала империя Оттона I, а крупнейшей – империя Карла I. Неслучайно эти империи опирались на римскую идеологию, символику и эстетику. Вторым столпом их универсалистских претензий стало христианство.

Отличительной чертой политических образований раннего Средневековья была их рыхлость и нестабильность. Они, как правило, держались на одной сильной личности, а после ее смерти рассыпались, границы постоянно сдвигались – все это связано с тем, что этносы и этнополитические общности в эпоху раннего Средневековья окончательно не оформились и были нестабильными.

Пережил Римскую империю и термин «варвар». Так, даже «к концу VII и началу VIII в. население Галлии сохраняло сознание того, что оно разделяется на две группы: *Romani* (римлян) и *Barbari* (варваров)... во всех биографиях знаменитых людей заботливо указано, к какой именно из этих групп принадлежали предки их героя» [8, с. 180]. С другой стороны, в течение первых веков Средневековья сохраняет свое значение и содержание (лингвистическое, культурное и религиозное) дихотомия «*Latinitas*» (средневековый аналог *Romanitas* как причастность латинской и христианской культуре) – варварство. Варварами теперь называют, прежде всего, славянские народы и венгров, еще не принявших христианство, а варварскими – местные языки и наречия [12, р. 388-389]. В эпоху каролингского возрождения варварством стало называться отсутствие античного образования, незнание античной культуры. Другой дихотомией, пережившей и римский мир, и эпоху Великого переселения народов, стала дихотомия «римляне – варвары» трансформировавшаяся в отличия менталитета, языка, религии (преобладающее католичество и преобладающий протестантизм) романо- и германоязычных народов, сохраняющиеся и в наши дни.

Особую роль в эпоху раннего Средневековья в ситуации нестабильности и несформированности этнических идентичностей играла дихотомия «аристократы – простолюдины». Фактически она носила квазиэтнический характер: отличия в культуре (быте, образе жизни, языке, внешнем виде и мн. др.) представителей высших и низших классов были столь велики, что по своему масштабу были сопоставимы с отличиями представителей разных народов. Она имела и религиозную подоплеку: христианство проникло в низы, в сельскую местность, гораздо позже, чем в города, и язычество на долгие века сохраняло там свое весьма ощутимое влияние. Неслучайно слова «язычник» и «язычество» во многих романских языках происходят от латинского «*paganismus*», этимология которого связана со словом «*paganus*» (сельский). Кроме того, дихотомия

«аристократы – простолюдины» была связана и с дихотомией «город – село»: неслучайно французские “urbanité” и “politesse” (вежливость, учтивость) происходят от латинского “urbs” и греческого “polis” («город»), а их противоположность – “rusticité” (грубость, неотесанность) – от слова “rus” (сельская местность). Эта дихотомия («город – село»), как и религиозная дихотомия «христианство – язычество», восходила к дихотомии «римляне – варвары», поскольку наличие развитых городов и их отсутствие вообще были одной из ключевых особенностей римской и варварской культуры соответственно.

В дальнейшем с распадом каролингской монархии (X в.) Европа расстается с постримскими универсалистскими имперскими претензиями, и именно с этого времени начинается оформление национальных государств и формирование их стабильных границ.

Заключение: этнокультурная трансформация эпохи ВПН в свете концепции границ

В исследовании этнокультурных процессов этой эпохи крайне продуктивной является популярная в современных этнических исследованиях концепция границ (фронтиров): именно это понятие стало ключевым в межэтническом взаимодействии того времени и способно объяснить многие события и процессы той эпохи. Кроме того, по сравнению с крайне подвижными, нестабильными, множественными и часто взаимопротиворечивыми этническими идентичностями, свойственными той эпохе, этот феномен гораздо проще фиксируется и, следовательно, поддается исследованию. Если подводить итог этнокультурной трансформации эпохи ВПН, а также предшествующей и последующей эпох с точки зрения концепции границ, то она выглядит следующим образом. На протяжении своей истории Рим непрерывно расширял свои границы. Однако, расширяясь, границы между Римом и внешним миром оставались жесткими, закрытыми. Тем не менее с течением времени между Римом присоединенными, а также соседними народами шел культурный взаимообмен, что приводило к размыванию границ. С течением времени эти границы стали настолько проницаемыми, что это привело не только к размыванию римской культуры, но и к сокращению политических границ Римской империи, а в итоге – к исчезновению Рима как государства: уже не Рим расширялся вовне, а варварские политические образования – за счет Рима, т.е. процесс сдвига границ обрел противоположную направленность. Эти процессы привели к образованию на осколках Римской империи новых государств и народов, что вновь запустило процессы формирования границ между ними. Однако первое время эти границы были довольно подвижными и виртуальными, основанными на таких категориях, как закон и религия. Границы возникших на постримском пространстве средневековых государств тоже долгое время были нестабильными – неслучайно в последние годы концепция границ также обретает популярность в исследовании этнокультурных процессов эпохи Средневековья [14].

Список литературы

1. Брюно Ж.-Л. Галлы. М.: Вече, 2011. 416 с.
2. Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000. 543 с.
3. Буданова В. П. Великое переселение народов [Электронный ресурс]: спецкурс. URL: http://www.textfighter.org/raznoe/History/Budan/istorii_budanova_v_velikoe_pereselenie_narodov.php (дата обращения: 09.09.2014).
4. Буданова В. П. Корпоративность раннесредневековой этнической общности: миф или реальность? // Социальная идентичность средневекового человека / ред. А. А. Сванидзе, П. Ю. Уваров. М.: Наука, 2007. С. 302-308.
5. Гуревич А. Я. Избранные труды. Норвежское общество. М.: Традиция, 2009. 468 с.
6. Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре Древнего Рима. М.: Индрик, 1993. 552 с.
7. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. 372 с.
8. Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб.: Евразия, 2008. 416 с.
9. Amory P. People and Identity in Ostrogothic Italy, 489-554. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 522 p.
10. Dench E. Romulus Asylum. Roman Identities from the Age of Alexander to the Age of Hadrian. Oxford: Oxford University Press, 2005. 441 p.
11. Goetz H. W. Concepts of Realm and Frontiers from Late Antiquity to the Early Middle Ages: Some Preliminary Remarks // The Transformation of Frontiers from Late Antiquity to the Carolingians / ed. W. Pohl et al. Leiden: Brill Academic Publishers, 2001. P. 73-82.
12. Jones W. R. The Image of the Barbarian in Medieval Europe // Comparative Studies in Society and History: an international quarterly. 1971. Vol. 13. № 4. P. 376-407.
13. Jüthner J. Hellenen und Barbaren. Aus der Geschichte des Nationalbewusstseins. Leipzig, 1923. 121 S.
14. Meeting the Foreign in the Middle Ages / A. Classen. N. Y. – L.: Routledge, 2002. 274 p.
15. Torelli M. Tota Italia. Essays in the Cultural Formation of Roman Identity. Oxford, 1999. 191 p.

DICHOTOMY “ROMANS – BARBARIANS”, ETHNIC IDENTITY AND FRONTIERS IN THE CONTEXT OF ETHNO-CULTURAL TRANSFORMATION OF GREAT MIGRATION AGE

Tereshchenko Tat'yana Sergeevna
Saint Petersburg State University
tatere@yandex.ru

The article studies the ethno-cultural transformation of the Great Migration Age according to the key parameters: ethnonyms, dichotomy “Romans – barbarians”, ethnic identity and frontiers, and the notion “barbarians”. The sources, background, event component, and consequences of the Great Migration are considered. The need to study it as a single and complex phenomenon is stated. The key role of the dichotomy “Romans – barbarians” is determined, as well as the phenomenon of frontiers in this process.

Key words and phrases: Great Migration; ethno-cultural processes; ethnonyms; ethnic frontiers; ethnic identity; barbarians.